

ОГОВОРКА О ПУБЛИЧНОМ ПОРЯДКЕ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ: ПРЕДЕЛЫ И ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ**Неъматов Абдухаки**

Магистрант ТГЮУ.

<https://doi.org/10.5281/zenodo.19797783>

Оговорка о публичном порядке традиционно рассматривается в научной и судебной доктрине как один из фундаментальных институтов национального права, который используется национальными судами и арбитражными органами для ограничения применения иностранного права на территории государства, а также для возможного отказа в признании и исполнении решений иностранных судов и арбитражей.

Она представляет собой инструмент, позволяющий государству защищать свои базовые правовые, моральные и социальные ценности, обеспечивая при этом сохранение стабильности национальной правовой системы в условиях трансграничных правовых взаимодействий. Вместе с тем, несмотря на то, что оговорка о публичном порядке исторически формировалась в рамках внутреннего правового регулирования, её правовая природа и функциональное назначение не ограничиваются исключительно национальным уровнем. Наоборот, в связи с активной интернационализацией частноправовых отношений, значительным расширением трансграничного коммерческого оборота, а также развитием международного арбитража и глобальных инвестиционных процессов данный институт получил дополнительное закрепление на международном уровне.

В частности, в рамках деятельности Организация Объединённых Наций институт оговорки о публичном порядке получает своё закрепление в ряде универсальных международных договоров и конвенций, где он рассматривается в качестве допустимого исключения из общепринятого принципа признания и исполнения иностранных судебных и арбитражных решений. Данная оговорка позволяет государству-участнику обеспечивать защиту своих фундаментальных правовых, социальных и моральных ценностей в международных транзакциях, одновременно создавая механизм предохранения национальной правовой системы от прямого или косвенного нарушения базовых принципов её функционирования. Наиболее значимым и широко применяемым международным актом в этой сфере является Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений, которая закрепляет возможность отказа в признании и исполнении арбитражного решения на территории государства, если такое решение прямо или косвенно противоречит публичному порядку этого государства. Особое внимание привлекает формулировка статьи V(2)(b) Конвенции, которая прямо и однозначно устанавливает следующее:

«Признание и исполнение арбитражного решения может быть также отказано, если компетентный орган страны, где запрашивается признание и исполнение, установит, что признание или исполнение решения противоречило бы публичному порядку этой страны»¹.

Одной из наиболее значимых и одновременно сложных теоретико-правовых проблем, на которые указывает современная научная доктрина и практика международного и национального права, остаётся отсутствие единого, общепризнанного и исчерпывающего

¹ Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards (New York, 1958), Art. V(2)(b).

определения категории «публичный порядок», что существенно затрудняет формализацию его применения в международных арбитражных и судебных процессах.

В многочисленных исследованиях, монографиях и аналитических обзорах подчёркивается, что данное понятие носит в первую очередь оценочный, динамичный и многоаспектный характер, который может варьироваться в зависимости от правовой системы, исторического контекста, социально-экономических условий и культурных традиций государства. В судебной практике, как правило, наблюдается тенденция воздерживаться от установления закрытого или исчерпывающего перечня критериев и признаков публичного порядка, что создаёт определённые сложности для его чёткого разграничения с другими правовыми категориями, включая императивные нормы международного и национального права (*jus cogens*, *lois de police*) и обычные нормы гражданского, торгового или процессуального права, что, в свою очередь, порождает необходимость более гибкого и контекстуального подхода при оценке его применения в конкретных правовых ситуациях и при решении вопросов о признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений.

Международная доктрина и практика рассматривают институт публичного порядка как сложную, многоаспектную категорию, представляющую собой совокупность моральных, социальных и экономических соображений, которые могут быть использованы национальными судами и арбитражными органами в качестве основания для отказа в признании и приведении в исполнение арбитражных решений, вынесенных за пределами их юрисдикции. В частности, International Law Association в своих рекомендациях 2002 года даёт определение публичного порядка как «совокупности принципов и норм, признанных государством, нарушение которых может служить препятствием для признания и исполнения международного арбитражного решения»².

При этом эксперты ИЛА проводят чёткое разграничение между процессуальным международным публичным порядком (*procedural public policy*), который связан с нарушением фундаментальных процессуальных гарантий сторон в ходе арбитражного разбирательства, включая обеспечение надлежащего уведомления, равенства участников спора и соблюдения базовых стандартов справедливого судебного процесса, и материальным международным публичным порядком (*substantive public policy*), который относится непосредственно к содержанию арбитражного решения и затрагивает ключевые нормы и принципы, составляющие основу правовой системы государства.

Отсутствие универсального, общепризнанного определения публичного порядка на международном уровне обуславливает предоставление государствам-участникам значительной степени дискреции в самостоятельном определении его содержания в рамках национального законодательства и судебной практики. Вместе с тем такая дискреция носит ограниченный и регулируемый характер, так как государства, принимая на себя обязательства по признанию и исполнению иностранных арбитражных решений в соответствии с положениями Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений, сохраняют право на отказ в их исполнении исключительно в тех случаях, когда их реализация противоречит основополагающим

² International Law Association. *Final Report on Public Policy as a Bar to Enforcement of International Arbitral Awards*, 2002.

принципам публичного порядка, закреплённым в национальной правовой системе. При этом необходимо учитывать, что чрезмерно широкое или произвольное толкование данной оговорки способно существенно подорвать эффективность и предсказуемость международного арбитражного механизма, создавая излишнюю правовую неопределённость и повышая риски нарушения стабильности трансграничных коммерческих и инвестиционных отношений, что негативно сказывается на доверии участников международного делового оборота и на гармонизации подходов к применению арбитражных норм на глобальном уровне³.

В развитие нормативных положений Нью-Йоркская конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений в современной международно-правовой доктрине, а также в правоприменительной практике национальных и наднациональных судебных органов, сформировалось концептуально значимое и теоретически обоснованное разграничение между так называемым «внутренним» (*domestic public policy*) и «международным» (*international public policy*) публичным порядком⁴. Данная дихотомия отражает эволюцию юридической мысли, стремящейся к более тонкой дифференциации уровней правовой защиты и степени вмешательства государства в трансграничные частноправовые отношения.

Внутренний публичный порядок традиционно понимается как совокупность императивных норм и принципов, лежащих в основе национальной правовой системы, включая моральные, социальные и экономические устои конкретного государства. В противоположность ему международный публичный порядок представляет собой более абстрагированную и суженную категорию, охватывающую лишь те фундаментальные принципы, которые обладают универсальным или квазиуниверсальным значением и признаются необходимыми для поддержания правопорядка в международном обороте.

К числу таких принципов, как правило, относят запрет злоупотребления правом, соблюдение основ добросовестности (*bona fide*), процессуальную справедливость и недопустимость грубого нарушения базовых прав человека. При применении пункта (b) статьи V указанной Конвенции приоритет, как правило, отдается именно международному публичному порядку, что обусловлено необходимостью обеспечения баланса между суверенными интересами государства и принципом автономии воли сторон арбитражного соглашения. Узкий, рестриктивный подход к толкованию данной оговорки выступает своего рода *doctrinal safeguard*, направленным на минимизацию риска произвольного отказа в признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений. Тем самым достигается укрепление доверия к институту международного коммерческого арбитража как к эффективному и предсказуемому механизму разрешения трансграничных споров.

С теоретико-правовой точки зрения подобная интерпретация согласуется с идеями функционализма и правового универсализма, в рамках которых международный арбитраж рассматривается как автономная система регулирования, обладающая относительной независимостью от национальных юрисдикций.

³ van den Berg A. J. *The New York Arbitration Convention of 1958: Towards a Uniform Judicial Interpretation*. Kluwer, 1981

⁴ UNCITRAL Model Law on International Commercial Arbitration (1985, amended 2006), Arts. 34, 36.

В этом контексте публичный порядок выступает не как инструмент произвольного вмешательства, а как *ultima ratio* — крайняя мера, применяемая исключительно в случаях, когда исполнение арбитражного решения явно и существенно противоречит основополагающим ценностям правопорядка. Следует также учитывать, что оговорка о публичном порядке в рамках Конвенции носит выраженный процессуально-правовой характер и может применяться судом *ex officio*, то есть по собственной инициативе, независимо от доводов сторон. Данное обстоятельство подчеркивает её особую юридическую природу как механизма охраны публичных интересов государства и одновременно как инструмента поддержания легитимности судебной власти⁵.

В академическом дискурсе это положение нередко интерпретируется через призму доктрины «судебного патернализма», в рамках которой суд выступает гарантом соблюдения базовых правовых принципов даже в условиях диспозитивности арбитражного процесса. Дополнительную нормативную конкретизацию рассматриваемая категория получает в актах Комиссия ООН по праву международной торговли, прежде всего в Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном коммерческом арбитраже, который представляет собой один из наиболее влиятельных и широко имплементированных инструментов гармонизации арбитражного законодательства на глобальном уровне. Указанный акт, будучи результатом длительной кодификационной работы и компромисса между различными правовыми традициями, закрепляет универсализированный подход к основаниям судебного контроля над арбитражными решениями, включая обращение к категории публичного порядка.

В соответствии со статьями 34 и 36 данного Типового закона арбитражное решение может быть отменено компетентным судом государства места арбитража либо не признано и не приведено в исполнение на территории иного государства, если установлено его противоречие публичному порядку соответствующей юрисдикции. При этом в доктринальном и практическом измерении последовательно подчеркивается, что речь идёт не о любом несоответствии нормам национального права, а исключительно о нарушении фундаментальных, системообразующих принципов правопорядка, обладающих высшей юридической и ценностной значимостью.

К числу таковых традиционно относят базовые стандарты процессуальной справедливости (*due process*), включая право быть заслушанным, принцип равенства сторон (*equality of arms*), запрет дискриминации, а также требование добросовестности участников арбитражного разбирательства. В международной правоприменительной практике, включая решения государственных судов и арбитражных трибуналов, выработан дополнительный ограничительный критерий так называемого «явного» (*manifest*) нарушения публичного порядка.

Данный критерий функционирует как своего рода фильтр повышенной строгости, предполагающий, что основанием для отказа в признании или исполнении арбитражного решения может служить лишь такое противоречие, которое носит очевидный, грубый и несомненный характер и затрагивает саму сущность фундаментальных правовых начал.

Иными словами, речь идёт о нарушениях, которые не просто отклоняются от правовых стандартов, но подрывают доверие к правосудию как институту.

⁵ Born G. B. *International Commercial Arbitration*. 3rd ed. Kluwer Law International, 2021.

Такой рестриктивный и концептуально выверенный подход направлен на предотвращение произвольного и чрезмерно расширительного толкования оговорки о публичном порядке, которое могло бы привести к фрагментации международного арбитражного пространства и подрыву принципа окончательности арбитражных решений (finality of awards).

Более того, он способствует формированию устойчивых ожиданий участников международного коммерческого оборота, обеспечивая необходимую степень правовой определенности (legal certainty) и предсказуемости (predictability), без которых эффективное функционирование трансграничных экономических связей представляется затруднительным.